

Чэнь Таотао на цыпочках прокралась в комнату. Она хотела лишь взглянуть на него и сразу уйти, не желая тревожить Чан Аня, однако в темноте её встретил настороженный взгляд.

Когда она уже подошла к кровати, юноша внезапно подал голос:

— Не подходи... не подходи...

Чэнь Таотао вздрогнула от неожиданного звука, в котором отчетливо слышались слезы, но всё же постаралась успокоить его тихим голосом:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. Разве ты мог бы сейчас спокойно лежать здесь, если бы я хотела с тобой расправиться?

Говоря это, она достала огниво и принялась одну за другой зажигать свечи. Свет озарил лицо юноши, до этого бледное от страха, и теперь в нём проскользнуло некое подобие жизни. Тем не менее, он продолжал опасливо наблюдать за девушкой, не смея пошевелиться. Он боялся, что если чем-то разозлит её, то в мгновение ока будет сброшен с этой теплой кровати обратно в ледяной ад.

Вид у него был такой, что Чэнь Таотао невольно усмехнулась. Она бросила взгляд на его руки, вцепившиеся в край одеяла, и с притворной угрозой произнесла:

— А ты знаешь, в каком преступлении тебя обвинили?

Долгое время никто не отвечал, и она почувствовала себя неловко.

— Я тебе скажу: это тяжкое преступление — кража! По правилам нашего дома за такое полагается отрубить руку!

Чан Ань уже хотел было оправдаться, что ничего не крал, как вдруг заметил её улыбку: глаза девушки лукаво сощурились, а на лице сияло искреннее веселье. Эта улыбка была совсем не похожа на те, что она дарила ему раньше — в ней не было ни капли холода, лишь пронзительная, трогаящая душу мягкость.

Должно быть, мне почудилось, ведь она собралась отрубить мне руку! — при этой мысли Чан Ань почувствовал, как нежность в её улыбке мгновенно испарилась. Но следующие слова застали его врасплох:

— И всё же, было бы жаль лишиться такой белой и изящной руки. Поэтому я оставляю её тебе, чтобы иметь возможность любоваться ею и дальше.

С этими словами она достала серый наперсток и надела его на мизинец юноши с отчетливо выраженными суставами.

— Но чтобы скрыть это от чужих глаз, тебе придется носить его постоянно. До тех пор, пока не настанет день, когда ты покинешь Двор Нинси.

Зрачки Чан Аня слегка расширились. Что она имеет в виду? И что значит покинуть Двор Нинси? Разве он вообще сможет когда-нибудь выбраться из этого места?

— Ах, да, я возвращаю тебе это.

Чэнь Таотао вложила ему в руку ту самую нетронутую нефритовую пластину.

— Возвращаю в целости и сохранности.

Юноша бережно погладил обретенную вещь, и в уголках его глаз выступила влага. Это было единственное, что принадлежало ему по праву. Он и подумать не мог, что когда-нибудь снова увидит её.

Чэнь Таотао, всё так же мягко глядя на молчаливого юношу, терпеливо объяснила:

— Я не специально тебя оклеветала. Просто сейчас я связана по рукам и ногам и не могу при людях вести себя с тобой хоть сколько-нибудь иначе, чем прежде. Если бы я не выдвинула против тебя это обвинение, как бы я вырвала тебя из этой волчьей пасти? Понимаешь?

Чан Ань был озадачен, но он действительно чувствовал перемены в Чэнь Таотао. Однако эта девушка всегда была мастером притворства, и кто знает, не ловушка ли это?

После столь искреннего признания Чэнь Таотао получила в ответ лишь отвернутую в сторону голову. Улыбка на её лице снова застыла, но она сдержалась и, продолжая говорить ласковые слова, пожелала ему спокойной ночи. Потушив ещё несколько свечей, она с досадой вышла из комнаты.

Оставшись один на теплой мягкой кровати, юноша посмотрел на нефрит в своей руке и надетый на палец наперсток. Он тихо вздохнул. Впервые за полгода он смог уснуть крепким сном. Всё было как во сне: никто его не бил, никто не заставлял спать на сырых, холодных матрасах. А в воздухе витал тонкий аромат, обещавший добрые сны.

Пусть она притворяется, пусть её улыбка скрывает кинжал — сейчас он хотел лишь одного: жить спокойно.

Чэнь Таотао в это время не спалось. Казалось, он всё ещё боится её. Впрочем, страх одного человека перед другим не возникает за день, и, конечно, не исчезает за день.

Ещё три года. Не стоит спешить, времени предостаточно, — утешала себя Чэнь Таотао.

Размышляя, она начала строить планы. Хотя она и под домашним арестом, скоро наступит Новый год, а к празднику запрет наверняка снимут. Раз в этом месяце её ограничили в передвижении, то и жалование, конечно, не выдали — встречать Новый год придется довольно скромно.

После праздника в Поместье герцога Чэнь будет устроен банкет для знати Шэнцзина. Она ещё никого из них не видела, а ведь это всё люди второстепенные — как же она сможет их узнать?

Одно дело за другим, всё не так просто. Малейшая оплошность — и кто-нибудь заметит неладное.

Каждый, погруженный в свои мысли, наконец, погрузился в сон. Дневные тревоги на время отступили. Под окнами лунный свет, чистый, как вода, заливал комнату мягким сиянием.

Минъюэ, как всегда, встала рано и разбудила Чан Аня, спавшего в комнате Чэнь Таотао. Если бы другие служанки увидели, что он ночует в покоях госпожи, не миновать бы беды!

Чан Ань был вырван из полудремы толчком Минъюэ. Он даже порадовался, что в этот раз она не стала выливать на него воду.

— Уходи скорее! Моя госпожа из милости спасла тебя, и если ты проболтаешься о том, что было прошлой ночью, и испортишь её репутацию, я первой с тебя голову сниму!

— Я... куда мне идти? — Чан Ань, глядя на грозную Минъюэ, осторожно задал свой вопрос.

— На задний двор, ищи себе место сам. Эти несколько дней сиди тихо и не показывайся на глаза. — Она покосилась на его мизинец.

Чан Ань понял намек. Ответив, он тут же поспешил прочь.

— Неужели госпожа влюбилась в этого простака? — пробормотала Минъюэ, меняя постельное белье.

— Как такое возможно? Я тебя жалею гораздо больше, чем его.

Чэнь Таотао неизвестно когда появилась у неё за спиной. Ни звука, ни шороха — про себя отметила Минъюэ.

— Вы снова дразните меня. Раньше вы никогда такой не были.

Чэнь Таотао посмотрела на рассерженную Минъюэ и с полуулыбкой ответила:

— Минъюэ, люди меняются.

Минъюэ со сложным выражением лица смотрела на неё, не зная, что сказать, и лишь спустя долгое время промолвила:

— А я не изменяюсь.

Чэнь Таотао с жалостью посмотрела на упрямую девочку и решила перевести тему:

— Кстати, Минъюэ, сколько у нас осталось сбережений? Как мы будем встречать Новый год?

Миньюэ тут же приняла вид главного управляющего и начала докладывать о расходах Двора Нинси, перечисляя всё до последней монетки...

Будем жить скромно! Поскольку Чэнь Таотао была дочерью наложницы, расходы на Двор Нинси и так были самыми низкими среди двенадцати дворов поместья, а теперь нам и вовсе придется встречать праздник в бедности.

Впрочем, даже такая жизнь для неё прежней была пределом мечтаний. Разве важно, что всё так просто?

— Миньюэ, у нас есть уголь?

— Есть.

— А новая одежда на праздник?

— Не волнуйтесь, госпожа, на банкете мы будем выглядеть как подобает.

— А еды на праздники хватит?

— Госпожа, мы всё-таки в Поместье герцога...

Тогда о чем я беспокоюсь?

— Хорошо, Миньюэ. Раз есть эти три вещи, мне не о чем больше переживать.

Сыта и одета — это уже уровень благополучия, опередивший время на тысячи лет. Чего ещё желать!

— Миньюэ, дай мне ещё поспать. Я привыкла к своей кровати, а прошлой ночью толком не выспалась.

Сказав это, она мгновенно уснула.

До чего же она утомилась, раз так быстро отключилась. Миньюэ с легкой грустью посмотрела на спящую Чэнь Таотао и тихо вздохнула.

<http://bllate.org/book/18614/1792167>